

Б. Конофальский

БУРАТИНО

Правда и вымысел

18+

Борис Конофальский
Буратино. Правда и вымысел

«Автор»

2023

Конофальский Б.

Буратино. Правда и вымысел / Б. Конофальский — «Автор»,
2023

Якобы юмор. Писал книгу двадцать пять лет назад, сейчас мне книга кажется грубой, пошлой и самое неприятное, глупой. В общем я вас предупредил. Претензии не принимаются, деньги не возвращаются.

© Конофальский Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Глава 1	7
Истоки	7
Глава 2	13
Гражданская позиция папы Карло и его вклад в борьбу	13
Глава 3	15
Накануне, или как получают дети	15
Глава 4	24
Сам процесс	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Конофальский

Буратино. Правда и вымысел

Введение

Мне кажется, что пришло время начать рассказ. Мы не можем себе позволить полуправду или полувывымысел, тем более, сегодня, когда открыты все архивы и спецхраны, нам стала доступна истина. Теперь с документами в руках мы с уверенностью можем сказать: Буратино не миф и не вымысел, он так же реален, как Бисмарк, Шопенгауэр, Гарибальди или Лев Толстой. Он был, существовал и на сегодня ни у меня, ни у других специалистов, занимающихся тем временным периодом Тарабарского королевства, нет и тени сомнения в этом.

Несколько лет назад я первый раз посетил эту страну. Я стоял у небольшого, но симпатичного домика с бронзовой доской у входа. Надпись на доске гласила: «Здесь родился и вырос Пиноккио Джеппетто» и все, больше ни слова.

Я стоял и думал, а не фантом ли этот Пиноккио Джеппетто, не призрачный ли Шерлок Холмс, дом которого стоит в Лондоне на Бейкер-стрит и куда ежедневно приходит корреспонденция на имя великого, но никогда не существовавшего сыщика.

Я дал себе слово, что обязательно выясню это.

Милая пара старичков, проживающая в доме с бронзовой доской, была очень любезна и гостеприимна за скромную плату. Они пустили меня в дом и продемонстрировали простоту убранства внутренних помещений, а также надписи, сделанные детской рукой на стенах, на мебели, на крупных каминных камнях. Чем он царапал на таком твёрдом граните, непонятно. Есть одна надпись даже на потолке. Конечно, в этих надписях нет ничего выдающегося, все мы неоднократно видели эти незатейливые слова в лифтах, на стенах парадных, на заборах. Кстати, кто сам не писал таких слов в общественных местах, тот пусть сразу отложит эту книгу, она вряд ли ему понравится.

И вот я стою посреди этой небольшой комнаты, перевожу взгляд от одной надписи к другой и стараюсь проникнуться духом того времени, понять настроение мальчика, написавшего: «Папа Карло – ко...». Что хотел выразить ребёнок в этой надписи и кто не дал закончить её? Или вот картина. Очень интересная. Она выцарапана на дубовой двери с большой любовью и тщательностью, сразу видно, что ребёнок провел не один час с ножом в руке. На двери изображена женщина без головы, рук и ног, но у взглянувшего на эту работу не возникнет никаких сомнений, что это женщина.

Я долго стоял, любовался творением на двери и думал: «А если бы всё сложилось иначе, если бы нашёлся кто-нибудь, кто мог задать мальчику иной, более художественный вектор. Что бы из ребёнка получилось? Может быть, второй Кандинский или Шагал, а может, не побоюсь этого слова, и Гоген какой-нибудь».

Но всё сложилось так, как сложилось, и, скорее всего, это к лучшему.

И всё-таки, почему я здесь? Что удерживает меня в этом доме, почему так интересуется эта тема? Все просто. С детства я восхищался деревянным парнем по имени Буратино. С какой ловкостью он расправился с Карабасом Барабасом, директором кукольного театра, кстати, личность историческая, настоящее имя которого Кари Барабасов и который был крупнейшим импресарио того времени. Я восхищался умением Буратино сказать «нет», даже коту Базилио. Он же, Базилио Джаркано, по кличке Безлапый Бэзил, был одним из самых ярких и беспощадных крёстных отцов того периода.

В общем, с детства зачитывался книгой Толстого и знал целые куски наизусть. Буратино был мой самый любимый герой. И вот однажды я случайно нахожу книгу, которая поставила меня в тупик. Вы, конечно, поняли, речь пойдет о книге Карло Коллоди «Приключение Пиноккио». Когда я закончил ее читать, я был в замешательстве. Огромное количество разночтений и даже противоречий нашёл я в этих двух великих работах. «Кто из этих писателей прав? – размышлял я. – Великий классик соцреализма Толстой или гениальный сказочник Коллоди?». Кто знал тему лучше, у кого материал был достовернее? Эти вопросы не давали мне ни спать, ни есть.

И вот в один прекрасный день я решил, что напишу еще одну книгу о Буратино-Пиноккио. Кстати, вопрос об имени был для меня особенно острым. Имя Пиноккио резало слух тому, кто всю жизнь знал Буратино. Тем не менее, именно это имя было настоящим, именно это имя дал ему отец.

Кстати, об отце.

Глава 1

Истоки

Наум Кантор к своим 50 годам стал человеком обстоятельным. Он имел жену, дело, в котором достиг высот, и девятерых детей. Мастер в своём деле, что и говорить, Наум был отменный. Апогеем его портняжной работы был фрак, сшитый им для советника мэра. «Не фрак, – как часто выражался сам Кантор, – а чернослив».

В общем, он имел много заказов, ленивого ученика и мог бы считать себя счастливым, если бы не одно «но». А это «но» заключалось во фразе его жены: «В семье не без двух уродов».

Не подумайте плохого, Наум не гневил Бога и не ругал своих детей. Напротив, двумя старшими сыновьями он мог гордиться. Первый из них, тридцатилетний Соломон, имел свой извоз, четырёх лошадей, две подводы, батрака, а также толстую жену-красавицу. Второй сын Алех, третий по счёту ребёнок, был и того пуще – он был учён не в меру, так, что даже отца стал поучать в толковании Талмуда в пятнадцать лет. А к двадцати имел уже пейсы, Талмуд в дорогом переплёте и очки. И собирался стать раввином. Родители на него нарадоваться не могли. Со стороны казалось, что это вполне благополучная семья. Но четвёртый ребёнок, а именно дочь Роза, уродилась дурой. Ну что поделаешь, дура и всё тут. Наум сначала думал: «Дам, мол, приданое, может, кто и возьмет». Лицом-то девка не лошадь и зад не доской. Да и с переда не сухая». Но время шло, он уже трёх дочерей замуж выдал, а Роза не сваталась, хоть ты тресни. Наум и плюнул на неё. Тем более что третий его сын Моисей хоть и не был убогим, но причинял отцу не меньше неприятных минут, чем Роза.

Учение Моисею не далось. Читать-писать кое-как выучился, а затем из школы он был изгнан. Причём директор сам не поленился довести до порога школы, держа его за ухо, а на пороге дал такого пинка ребёнку, что, придя домой, мальчик сказал отцу:

– Папа, можете, старый вы человек, меня убить палками по башке, но в школу я больше не пойду.

Что ты будешь делать, коль ребёнок не хочет учиться. Тогда Кантор попытался приспособить его к ремеслу, но после того, как Моисей раскрыл подкладку к парадному мундиру господина майора местных жандармов, папаша ему сказал:

– Вот сижу я и думаю, убить тебя палками по башке или привязать к воротам гимназии за пять минут до прихода господина директора. Что лучше?

Но Наум был добр сердцем и ничего мальчишке делать не стал, тем более что остальные дети – поглядите, люди, позавидуйте, лопни ваши глаза, чтобы у вас такие были, кормили вас в старости. В общем, господин Кантор махнул рукой на дочь Розу и сына Моисея. А дети росли себе и росли. И в один прекрасный день выросли эти два уroda в большой позор для Наума Кантора. А случилось это так. Наум кроил что-то или шил, как обычно, с удовольствием и любовью, время от времени врезая линейкой по язвительной морде ученика. Настроение у него было прекрасное. А день шёл к обеду. Наум уже был готов крикнуть жене, чтобы ставила на стол обед, как в мастерскую вошёл Алех – умный сын, и, склонившись к поросшему седыми волосами уху отца, зашептал:

– Папаша, не упаньте в апоплексическом ударе, ибо ваш сын Моисей покрыл ваши седины нескрываемым позором.

– Что ты мелешь, учёный дурак, языком своим поганым или тебе не известно, что твоего деда, моего отца, задавил дилижансом пьяный молдаванин, после чего твой дед ещё был и ограблен. И это когда ему исполнилось восемьдесят. А твоя бабка гуляла на свадьбе, когда ей

было девяносто два. Зачем же мне тогда твой апоплексический удар в мои молодые пятьдесят лет?

– Папаша, что вы лааете мой язык, не зная дела, и приберегите свою ругань на чуть попозже.

– Ты мне скажешь, что за позор обрушился на мои седины или будешь чепуху молоть?

– Папаша, пойдёмте в сарай – там ваш позор.

– Ты забыл, наверное, дурень, что мне время кушать бульоны, как мне сказал тот доктор, что женился на дочери гробовщика, после чего гробовщик сильно разбогател и умер, когда зять взялся его лечить.

– Папаша, не будьте упрямее обоих соседских ослов. Пойдёмте в сарай, и вы сразу расхотите свои бульоны.

Наум Кантор был удивлён такой настойчивостью сына, который обычно был почтителен с отцом, и, наконец, согласился пойти в сарай, где он обнаружил своего старшего сына Соломона с увесистым дрыном в руке, всхлипывающую жену, сына Моисея с синяком под глазом и дочку Розу в исподнем. Что сразу бросилось в глаза Науму, так это то, что все удручены и ждут его.

– У-у, – завывала жена, увидев главу семейства, – чтобы вы все поздыхали вместе с телёнком, что подох в мае, как только моё чрево могло вынести таких детей, что покрывают седины своего отца позорами!

В унисон ей завывала и дочь Роза, но значительно мелодичнее и выше, чем мать.

– Э-э, глупые бабы, что воете, как молдавский оркестр на похоронах, чтобы вас пораскочило. Скажите мне, где мой позор в моем сарае, и я пойду есть бульоны, – произнёс Кантор, немного нервничая.

Но осмотрев всех присутствующих, он понял, что никто не хочет объяснять ему, в чём его позор. Даже старший сын Соломон отвёл глаза.

– Ладно, любимый сын мой Алех, скажи мне ты, если ты всё время носишь книжку под мышкой и очки, что здесь произошло и почему я не могу идти есть свои бульоны?

– Папа, да что вы со своими бульонами, как дурень с писаной торбой.

– Ну, так скажи мне, что происходит в моём сарае?

Сын вдохнул воздуха побольше и произнёс:

– Папа, ваш глупый сын Моисей покрывал вашу дуру дочь Розу, когда мы их застали с Соломоном, – молодой человек говорил, стараясь не глядеть на отца.

– Что значит «покрывал»? – спросил отец, леденея сердцем.

– Как бык покрывает тёлку, – еле выдавил из себя Алех.

Наум вытаращил глаза на своего умного сына, как будто это он совершил этот мерзкий поступок:

– Сын мой, зачем же ты мне говорил сегодня про апоплексический удар, тем более перед обедом, – простонал Кантор, хватаясь за сердце.

– Папа... – только и смог произнести сын в ответ.

– Боже мой, Боже мой, – запричитал Наум, когда осознал, что произошло, затем заорал на своего непутёвого сына Моисея. – Как ты мог, негодяй, она же твоя сестра?!

К нестройному хору завываний женщин присоединился уже почти мужской басок Моисея.

– Прекрати рыдать, негодяй, и скажи, зачем ты это сделал? – отец стал потихоньку приходить в себя и теперь его душу посетил праведный отцовский гнев. – Сучий сын мой, ответь своему отцу, зачем ты обесчестил свою сестру и всю свою семью?

Тут Моисей заревел ещё громче, уже уверенно перекрывая мать и сестру, вместе взятых. По его румяным щекам потекли крупные слёзы. В общем, он до конца прочувствовал ситуацию и понял, что трёпки ему на этот раз не избежать и одним синяком, который ему уже поставил

старший брат, дело не кончится. Тем более что отец и Алех стоят в дверях сарая и ему мимо них не проскочить, будь он даже кошкой.

«А как хорошо всё начиналось, – думал Моисей, хороня последние надежды на бескровный исход дела. – Надо было дуру в рошу вести, а теперь всё пропало».

Папаша тем временем отобрал у старшего сына палку, которую тот до сих пор держал в руках:

– Ну, так что, ты скажешь, зачем ты совершил эту богомерзость, или мне тебе врезать и посмотреть, что треснет быстрее: твой хребет или эта палка? – спросил Наум.

– Хо... – всхлипнул сын.

– Что «хо»? – продолжал задавать вопросы отец.

– Хотелось, – давясь слезами, произнес сын, – сильно.

– Хотелось? – завизжал Наум.

– А что, всем можно, а мне нет? – заревел ещё громче Моисей.

– Что? – прохрипел глава семейства. – Кому можно? Что можно?

– Всем, – продолжал завывать сын, – всем пацанам с нашей улицы. Все хвастаются, а некоторые аж по два раза, а надо мной смеются, говорят, что сапожник без сапог, а я всего первый раз хотел попробовать.

– Господи, пусть мои уши этого не слышат, – прошептал Наум и перед его глазами поплыли круги, – пусть мои уши этого не слышат, чтоб я лопнул.

– А что же она в одном исподнем по двору шастает, сами знаете, какой у нее зад, – продолжал Моисей.

Глава семейства влепил звонкую пощёчину жене:

– Дура, что же твоя корова-дочь без юбки по двору ходит?

– Я думала, может хоть кто-нибудь её из-за забора заметит, может, мужа ей найдём, – плакала женщина.

– Нашла, дура? – и уже обращаясь к дуре-дочери и даже протягивая к ней отцовскую длань, отец спросил: – Ну как ты могла, дочка?

– У-у, – с новой силой заревела Роза.

– За что? За что? – Кантор воздел руки вместе с палкой к потолку сарая, как бы взывая к всевышнему.

– За значок, – вдруг произнесла Роза.

– За какой ещё значок? – заинтересовался отец.

– За депутатский, – рыдала дочка, сотрясая всем своим аппетитным телом, – и за два сольдо. Он мне обещал ещё два сольдо.

– Господи, Господи, моя дочь – шлюха! Моя дочь – шлюха! За два сольдо, отвалились мои руки, – заорал Кантор, багровея.

– И за значок, – добавила Роза.

– И за значок? – продолжал бушевать Кантор, – Зачем же тебе, пустоголовой корове, значок депутата? Отвечай, а то убью!

– Он красивый, – выла девица, – беленький, синенький и там ещё орельчик жёлтенький.

– Убью! – тихо сказал Наум, снова хватаясь за сердце, и выронил палку из ослабевших пальцев.

– Папа, не волнуйтесь, вам надо поесть бульоны, – нежно поддержал за локоть отца учёный сын Алех.

– Уйди, – отец пятернёй оттолкнул лицо сына от себя, – ослиная морда. Ты бы поменьше читал свои книжки, а побольше следил за своими братьями и сёстрами, они же доведут меня до апоплексического удара.

А дочь продолжала реветь, как паровая молотилка, не снижая ни тембра, ни мощности звука.

– Прекрати орать, кобылища. Что ты орешь?

– Пусть значок отдаст, – отвечала Роза, – и два сольдо, раз пользовался.

– Значок тебе? – взорвался Наум и, подняв с земли палку, начал дубасить дочь по чѐм ни попадя, приговаривая при каждом ударе: – Вот тебе значок, вот тебе ещё значок, а вот тебе кокарда. Ты у меня будешь вся в значках, как королевский улан на смотре. Да что там улан. Как лейб-гвардеец Его Величества.

Дочка прибавила ещё децибел, да так, что старший сын прищурился, как от сильного ветра.

– Прекрати реветь, да прекрати же ты реветь, как ноябрьский шторм, – устало сказал отец, опуская палку.

Мать взяла дочь под руку и повела её в дом, где та не унималась еще некоторое время.

– Так, ладно, теперь разберёмся с тобой, – произнёс Наум, переводя дух и глядя в упор на непутёвого сына.

Но в его голосе и тоне Моисей почувствовал усталость и первый раз за всё это время у мальчишки мелькнула надежда, что, может быть, ему повезёт и он не отведает отцовской палки.

– Отвечай, мерзавец, где ты взял депутатский значок? – начал Кантор.

– Я его нашёл, папа, – тонко всхлипывая, отвечал сын.

– Ещё бы, депутатских значков на дороге, что конского навоза в ярмарочный день. И где же ты его нашёл?

– За дровяным сараем, он был приколот к депутату. Он каждую субботу утром там валяется.

– Он наш дровяной сарай за сортир принимает, – пояснил отцу Алех, – всегда в пятницу ложится там спать. От него там уже вся сирень пожелтела.

– Помолчи, – шикнул на умного сына Кантор и, уже обращаясь к непутёвому, спросил: – так ты что, с пьяных депутатов значки снимаешь?

– Ну да, – признался Моисей.

– А где взял два сольдо?

– У него же, у депутата, из кармана и вывалились.

– Да ты и вор к тому же, – простонал Кантор, – Боже мой, Боже мой. Горе мне, горе. Мой сын – вор. Ворует, чтобы платить моей дочери-шлюхе. Он обворовывает депутатов.

– Ничего, – опять вставил Алех, – этот депутат – взяточник, бабник и пьяница, у него денег куры не клюют. Тем более от него нам одна неприятность: в дровяной сарай не зайти, ужас как воняет и дрова в правом углу вечно сырые, и взятки этот депутат берёт о-го-го как много.

– Помолчи, ради Бога, – сказал отец, – все депутаты берут взятки, для этого в университетах учатся. А ты, негодяй, давай значок и деньги.

Мальчишка полез в карман и стал медленно там копать.

– Быстрее, сукин сын, – рявкнул Кантор и для убедительности взмахнул палкой.

Моисей стал шевелиться чуть быстрее. И вот из кармана его мальчишеских штанов показался кусок грязной тряпки. Парень стал суетливо запихивать её обратно, одновременно пытаясь извлечь вещи, завёрнутые в неё.

Наум не сдержался и ударил сына по руке палкой. И на земляной пол вывалился из тряпки толстый, как трёхгодовалый боров, жёлтый и круглый, как головка сыра, полновесный золотой цехин. Он упал на пол и словно прилип к нему, настолько он был тяжёл, лежал себе на замусоренном полу и желтел, как луна на ночном небе. Все присутствующие смотрели на него, словно замороженные, не произнося ни слова несколько секунд. Наконец Наум не выдержал:

– Где ты, коровья жвачка, взял столько денег за раз, сколько твой отец зарабатывает за месяц?

– Папаша, я ... – только и смог выдавить из себя Моисей, жалостливо глядя отцу в глаза и ища там сочувствия.

– Отвечай, вор, паскудник, негодяй, развратник, скотина, – снова начал свирепеть глава семейства.

– Папаша, – снова жалобно простонал сынок, отчётливо ощущая, насколько сучковат тот воспитательный инструмент, который отец сжимает в руке.

– Отвечай, осёл, не то я тебе сломаю твои козлиные мозги и пообламываю рога.

«Ой, мамочки, что сейчас будет, – подумал мальчишка, – надо бежать».

– Отвечай, последний раз прошу, – предупредил отец.

«Бежать, бежать, бежать», – молоточками постукивало в голове Моисея. Только вот бежать, не подняв с пола такой соблазнительный золотой, ему не хотелось. Зря что ли пропадать монетке в папашинем кошельке, а ведь сколько страха пришлось натерпеться, пока обшарил все карманы депутата.

– Ну, держись, – прорычал отец, не выдержав паузы сына, и замахнулся палкой.

Мальчишка упал на колени и взмолился, одновременно тихонько подгребая монетку к себе:

– Папенька, не бейте, я всё расскажу, – загнусавил он.

– Говори, паршивец, а я посмотрю, убить ли тебя палкой или повесить, как последнюю свинью на бойне.

– Значит, всё было так ... – лепетал мальчишка, зажимая цехин в кулак.

И кто знает, чем бы кончилась эта история и история о Буратино вообще, не заметь отсутствие монеты бдительный Алех:

– Папаша, гляньте – гляньте, он ваш цехин уже обратно заныкал!

«Всё, это конец, надо бежать», – подумал Моисей и бросился к выходу. Проскользнув под рукой отца, он оттолкнул Алеха, да так, что тот уронил книгу и чуть не потерял очки.

– Ловите его! – заорал папаша, – Ловите и держите!

Двое старших кинулись за непутёвым.

– Догоните его и держите, сейчас отдышусь и будем убивать.

Но было поздно. Моисей перемахнул через забор, отбежал и, почувствовав себя в относительной безопасности, заорал своему отцу:

– А что же вы, папаша, думали, я вам свой цехин отдам? Ишь раззявили варежку на мой цехин. Ваш он что ли?

– Побойся Бога, гадёныш, ведь с отцом разговариваешь. Отдай цехин по-хорошему, иначе полицию позовём, – крикнул ему Алех.

– А у тебя, очкастый, я из книжки листы вырвал, а ещё один раз об твои новые штаны жирные руки вытер, а то больно ты умный. А моего цехина вам не видать, как своих ослиных ушей.

– Верните его, – хрипел отец из-за забора, – скажите, если отдаст цехин, то ему ничего не будет.

Но Алех никак не мог простить свои штаны и поэтому, не слушая отца, орал:

– Тебя, собаку, за Святую книгу на порог синагоги не пустят, а за штаны тебя тем более повесить надо, они же из английского сукна, папаша шили.

Тем временем старший, прокравшись за забором, попытался зайти мальчишке в тыл, но тот был воробей стреляный и сразу раскусил этот незатейливый братский манёвр. Поэтому он моментально забрался на соседский сарай и уже оттуда прокричал Алеху:

– А мне ваша синагога недосуг, я вообще крещусь. И цехин мой, сами депутата обшариваете, он, между прочим, весь в блевотине был. А то вы ишь ловкие какие, чужими руками жар загребать.

– Прокляну, – прошептал отец, в который раз хватаясь за сердце, – Боже мой, я этого не слышал – он крестится.

– А что же, от него всего можно ожидать, – сказал Алех, – если он у родного отца цехин ворует, то и креститься может или даже убить кого-нибудь.

– И это мой сын! Боже, чем я прогневил тебя? И этой мой сын, мой сын. Алех, скажи ему, если отдаст деньги, я, клянусь здоровьем своей жены, не трону его даже пальцем.

– Отдай папе деньги, подлюка! – послушно выполнил волю отца Алех. – Он тебя бить не будет, клянётся маминым здоровьем.

– А ты, дурень, что стоял? – продолжал Наум, обращаясь к умному сыну. – Ты что, цехин с земли не мог сам поднять? Или у тебя ума только на книжки хватает?

А сосед Еремей, на чьём сарае приплясывал молодой Кантор – известный хулиган, которого Еремей пытался заколоть вилами в прошлом году за то, что тот бросил ему в колодецдохлую собаку, был привлечён шумом, но увидел только конец действия. Он увидел лишь, как мальчишка повернулся к отеческому дому задом и крикнул:

– Поцелуй меня сюда, очкастый, – затем, чем-то швырнув в сторону родного очага, спрыгнул с сарая и проследовал в неизвестном направлении, в сторону железнодорожного вокзала.

– Боже мой, Боже мой, – причитал отец, – лучше бы меня задавил дилижанс, а потом меня ограбили, чем видеть этот позор. И это мой сын!

– Пойдемте, папа, вам пора кушать бульоны, – Алех взял отца под руку, – а этот гадёныш пусть подавится нашим цехином. А ещё, гад, об мои штаны, подлец, жирные руки вытирал. А я-то думаю, откуда на штанах, ещё совсем новых, такие подлючие пятна.

– И это мой сын, – стонал отец, – чтобы он лопнул с моим цехином вместе.

Наум Кантор сильно постарел за этот день, а Моисея в этом маленьком городе никто и никогда больше и не видел.

Глава 2

Гражданская позиция папы Карло и его вклад в борьбу с антигосударственным элементом

Достоверных фактов о том, что Моисей Кантор крестился, у меня нет. Но вот передо мной лежит дело Секретного полицейского управления за номером 29б. И вот что мы можем из него почерпнуть: «Моисей Кантор, он же Карло Джеппетто, принят на службу в качестве секретного дознавателя в городе Портанно согласно приказу за подписью инспектора по кадрам тайной канцелярии. И за подписью о приёме на работу самого министра Соцци, одного из самых могущественных людей того времени, министра внутренних дел и директора тайной канцелярии. Того самого Соцци, который беспощадно истреблял в королевстве все ростки свободы мысли и любого политического мнения, идущего в разрез с государственным.

Чем Карло Джеппетто заслужил покровительство этого реакционного министра остаётся загадкой. Но то, что он не даром ел свой хлеб – это факт. Целых три толстенных тома его донесений до сих пор хранятся в архиве. Прочитав эти тома, я нашёл несколько очень любопытных. Вот некоторые из них:

«А ещё рыбак Сальконе, будучи пьяным, обзывал господина урядника свиньёй, свинской мордой и пузатой свинской скотиной, а также свиньёй в мундире. И грозился вытряхнуть свинью урядника из его свинского мундира и засунуть эту свинячью одежду в свинский зад господина урядника. А свинскую жену урядника бить по её свинской морде той самой тухлой рыбой, которой она торгует, пока не завизжит, как свинья, и не опоросится.

Тем самым рыбак Сальконе зверски оскорбил Его Королевское Величество в лице мундира урядника, который грозился засунуть в непотребное место, и который он, мундир, утверждён циркуляром о полицейской и жандармской службе.

Подпись Карло».

А вот ещё:

«Мастер по дереву и мебельщик Антонио, по кличке Сизый нос, есть субъект неблагонадёжный, безбожник и подлая собака. Он подавал конвоируемым в порт бунтовщикам хлеб и называл их бедными, жалея подлецов. Также он говорил, что у них слишком тяжёлые кандалы и что зря их так мучают.

А ещё, напившись, он ругал прелата нашей церкви, отца Павла, жадной церковной крысой, которая не хочет платить за три стула и скамеечку для ног. Также Антонио говорил, что ему на фиг не нужно его благословение и пусть поп отдаст деньги, тридцать пять сольдо, за проделанную работу. А также другими еретическими словами.

И ещё этот же негодяй нашёл в моём огороде заначку виноградного самогона, который я храню на случай похмелья. И, сожрав его, теперь отпирается, собака, говорит, что не пил никакого самогона и что всё даже напротив, будто это я в прошлом месяце взял у него, будучи пьян, шесть сольдо и теперь отказываюсь отдать.

Подпись Карло».

Боролся Карло Джеппетто также с местным террористом, угольщиком Конци. Имеется документ:

«В таверне «У дровосека» угольщик Конци неоднократно заявлял, что взорвёт городской вокзал и этого старого козла, начальника станции синьора Перуцио, за то, что тот ему сказал, что вокзал – место публичное и такие грязные люди, как угольщик, портят общую экспозицию

своими ботинками, с которых сыплется грязь. И чтобы угольщик убрался из здания вокзала, так как приличная публика на него уже шикала. А угольщик сказал, что вся эта приличная публика – известные ослы. А дамы на себя одеколонов понабрызгают, что хоть покойников выноси, и шикают, как гарпии, а сами дуры дурами, хоть ты тресни. И вся эта кодла с начальником вокзала вместе ему, угольщику, может быть, тоже экспозицию портит своими духами и шиканьями. А у него, у угольщика, лакеев нет ботинки чистить, и что пусть бургомистр смотрит лучше, чтобы коровы и лошади везде по городу не гадили. А в конце угольщик сказал, что пойдёт и взорвёт вокзал к чертям собачим, а заодно и синьора Перуцио, и облитых одеколонами всяких дур, а, может быть, и всю эту чёртову железную дорогу, так как утренний поезд пугает его козу, от чего у неё молоко становится горькое.

Подпись Карло».

Вот такой был человек, этот самый Карло Джеппетто, незаурядный, можно сказать, человек. Судя по суммам, которые он получал на службе, Карло мог иметь дом и побольше. Нет, я не хочу сказать, что ему платили большие деньги, но, тем не менее, гонорары за его творчество были весьма достойны. Я полагаю, что работодатели даже чуть переоценивали стиль и содержание его работ, но это всё-таки дело вкуса, так что не берусь судить.

Вас, конечно, не удивит тот факт, что мне очень хотелось узнать: а как выглядел этот человек? Но нигде не было его фотографии. То ли тогда было не принято фотографировать сотрудников, то ли он был чересчур секретен. Короче, фотографии нет, и мне пришлось довольствоваться тем, что было в личном деле. А там был только его словесный портрет:

«Мужчина пятидесяти пяти лет, среднего роста, средней упитанности, нос толстый, голос грубый, глаза наглые. Особые приметы: лысый, носит парик жёлтого цвета, на носу бородавка, нет правой ноги до колена, на правой руке наколка «Карло», на левой – якорь и «Тереза», также постоянно носит с собой шарманку немецкой работы».

Вот, собственно, и всё. Конечно, у меня возникла масса вопросов по поводу старика Джеппетто, но со мной всегда так: стоит мне хоть что-то выяснить, как количество вопросов сразу увеличивается. Теперь я всё время думаю, а где был этот человек до пятидесяти пяти лет? Что делал? Чем занимался? Мне, конечно, удалось кое-что выяснить о его прошлом. Я твёрдо установил, что когда-то Карло служил юнгой на шхуне «Тереза», но потом корабль потерпел крушение, вернее, он просто пропал, и никто не мог сказать, где это произошло, каким образом и кто, кроме Карло, уцелел.

Вот, в общем-то, и всё, мне больше ничего не удалось выяснить о Карло Джеппетто. Впрочем, это не так уж и важно, ведь главный герой не он.

Глава 3

Накануне, или как получаются дети

Утренняя болезнь, отравление сивушными маслами, остаточная алкогольная интоксикация – можете называть это явление как угодно, название не изменит сути и тяжесть этой болезни. Простонародное же название этого явления – похмелье. Если вы пережили хоть одно похмелье, вы поймёте бедного старика Карло. Впрочем, не до конца, ибо тяжесть похмелья Карло Джеппетто носила характер лёгкого предсмертия.

Сильнейшие спазмы сосудов головного мозга развивались на фоне коронарной недостаточности средней тяжести, на фоне обострённого рвотного рефлекса и жесточайшего ослабления стула.

В общем, Карло страдал, а его почти лысая голова была пунцовой, а веки глаз, выражаясь языком поэтов, – ворота души, были ядовито-лиловыми. Дыхание тоже было ядовитым и настолько, что воздух, вырывавшийся из его отравленных лёгких, по убойной силе вряд ли уступал парам синильной кислоты.

Джеппетто открыл глаза и издал протяжный, трубный стон. Этот стон исходил из самого сердца и был пронизан неизъяснимым трагизмом. В пустой комнате стон прозвучал по-могильному глухо и по-могильному безнадежно, ибо на него никто не откликнулся.

Карло несколько секунд лежал молча, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, и, когда их до конца ощутил, издал ещё более трагичный стон.

И, о, чудо! Рядом что-то хрюкнуло или всхрапнуло.

«Может, крыса» – тяжело, словно напильником по мозгам, в его голове шевельнулась мысль. И тут же другая, менее болезненная, озарила его: «Не-е, крысы не хрюкают, это что-то другое. Вот набраться бы сил и посмотреть».

Но где их набраться, сил-то нет, сердце и так стучит во всех частях тела, даже в пересохшем горле. И тогда Карло снова застонал, ибо это была единственная малобольная операция, на которую был способен его организм. Стон получился долгий, переливчатый, затухающий, как гудок уходящего вдаль паровоза. И очень одинокий какой-то, скорбный даже.

И не менее скорбный был ответ – тишина. Тишина висела в пыльной, провонявшей перегаром и чесноком, комнате.

«Чтобы вы все сдохли, как мне нужно выпить, – подумал Карло. – Вот так вот люди и умирают, а их потом ни одна зараза не хватит целую неделю, пока они не завоняют весь квартал и их не пожрут мухи. И ведь ни один крокодил не стукнет в дверь и не скажет: «Карло, а не надо ли тебе опохмелиться?» Чтобы вы все сдохли, я вам всем припомню, вы ещё все спляшете у меня сиртаки на собственной селезенке и прочих почках».

Он опять протяжно застонал и, к его удивлению и восторгу, что-то совсем рядом шевельнулось. Нет, это была не крыса, это шевельнулось так, что скрипнула ещё добротная кровать. И окрылённый надеждой Карло застонал что было сил, вложив в этот стон всю боль души, что накопилась у него за утро. И какова же была его радость, когда он услышал грубый, женский голос – музыку.

– Да что же вы, синьор Карло, ревете, как стельная корова, всё утро. Что вы там себе думаете, что вы там Карузо какой-нибудь? Всю ночь с вами мучилась, да ещё и утром не даёте поспать. Спите вы уж что ли.

Эта речь показалась Карло спасительной песней, свежим ветром гор. «Всё не так уж плохо», – подумал Карло и прохрипел сдавленно:

– Надо выпить.

Фраза немым вопросом повисла в воздухе и осталась без ответа. Ещё бы, ведь в ней не было ни силы, ни энергии, а только вялое заискивание и просьба. Поняв свою ошибку, Карло отбросил трусливый тон просьб и уже прорычал, насколько мог рычать человек в его состоянии:

– Выпить дай!

– О, Господи, когда же вы нажрётесь, всю ночь жрали-жрали, жрали-жрали, а утром не успели глаза продрать, а уже снова жрать этот ром поганый. Спите уж что ли, а не то, не ровён час околуете, и лежи потом с вами, с мертвяком, как дура.

– А ты и есть дура! Выпить дай!

– Ой, да ну вас! – окончила разговор неизвестная дама и заскрипела кроватью, очевидно, поворачиваясь к Карло задом. – Спите уж что ли.

Но Джеppetто был не из тех, кто легко сдаётся. Собрав всю волю и наплевав на подкапывающую к горлу тошноту, он сжал кулак и что было сил ткнул им в сторону собеседницы. Ткнул и попал во что-то мягкое.

– Дай выпить, а то убью.

– Да что же это такое, всю ночь пил и дрался, а утром опять спозаранку за вчерашнее принялись. Ни стыда, ни совести у человека, – закудаhtала дама, – да где я вам выпить возьму, если вы вчерась весь ром дожрали, что ничего не осталось. И дерётся же ещё, кобель старый, прямо мёдом не корми, дай ему кулаками людей с самого утра потыкать. Иначе, видно, ему и дня не будет.

– Выпить, – ответил Карло, чувствуя, что силы его на исходе.

– Вот раздрает его, окаянного. Нету, я вам итальянским языком говорю. Нету.

– Выпить, – не сдавался Джеppetто.

– Да чтоб вас геморроем раскорячило, – взвизгнула женщина и соскочила с кровати. Карло услышал, как её босые ноги шлёпают по грязному полу, а потом и увидел её. Это была шестнадцатилетняя толстуха, дочь мясника с соседней улицы, которую Карло спортил ещё два года назад, но имени которой сейчас вспомнить не мог.

Девка, не стесняясь наготы, шарилa по комнате, но не очень-то спешила.

«Быстрее, дура, что же ты тянешь кота за известно что, – думал Карло, наблюдая за ней, – ну вот, корова, стала теперь в носу ковырять, стоит, дурища, выковыривает, а я помираю».

Но он мог только думать и смотреть, а вот что-нибудь сделать или хотя бы сказать не мог, сил просто не было.

А девка, наковырившись в носу, вытерла палец о пышное бедро и продолжила поиски.

– Была же бутылка, – приговаривала она, – он же вчерась ею на меня замахивался. Может, там хоть что-то осталось. Ну и грязь тут у вас, синьор Карло, у нас в свинарнике чище, и крыса вон дохлая валяется с позапрошлой субботы.

«Да шевелись же ты, толстомясая, какая там ещё крыса, чтоб ты сама сдохла», – с тоской подумал Карло и вдруг услышал дивную музыку, музыку катящейся по полу бутылки.

– А, да вот же она, она под кроватью, – обнаружила ёмкость девица.

«Лишь бы не пустая, хоть чуть-чуть, хоть капельку», – с надеждой и замиранием сердца думал Джеppetто.

Ему повезло. В бутылке кое-что было. Содержимого было мало, но оно было. Этого бы хватило на то, чтобы поставить его на ноги.

– Давай! – прохрипел он, протягивая руку, откуда только силы взялись.

– Натe.

Рука Карло тряслась, как хвост замерзшей собаки, но он капли не пролил. Горячая жидкость проникла в его измученный организм и растворилась там, принося с собой облегчение. Облегчение приходило постепенно и не было окончательным. Сначала перестало бешено коло-

титься сердце, оно снизило обороты и заработало в почти нормальном режиме, а через две-три минуты чуть-чуть опустила и голова, тошнота отошла. Джемметто на глазах оживал, и с улучшением самочувствия к нему постепенно стал возвращаться рассудок. Он взглянул на голую девку, которая стояла около окна, что-то жевала и наблюдала за чудесным исцелением.

– Ты бы хоть срам свой чем-нибудь прикрыла, лахудра бесстыжая, – наконец произнёс Карло, тем не менее, отдавая должное прекрасным формам.

– И-и, чегой-то вы набычились, сами же меня спортили, – возмутилась девка, – а вчерась так на меня бутылкой замахивались, когда я заголяться не хотела.

– Оденься, – Карло уже достаточно пришёл в себя и даже сел на кровати, – оденься, да за пивом сходи.

– Денег давайте, – отвечала девка, даже и не думая одеваться.

– Деньги? – Карло наморщил лоб. – Ты это... Сходи к трактирщику, пусть в долг даст, – но в его голосе не было уверенности.

– Да кто это вам в долг даст, вы умом, что ли с рома совсем повредились?

– Молчи, коровища, не тебе, мясничихе, судить о моём уме, ты лучше одевайся и иди к трактирщику. И себе пива в долг возьми, и мне принеси.

– И-и, да вы и вправду рехнулись или меня за дуру наблюдаете, – девица даже рассмеялась, – сожрёте пиво вы, а долг трактирщик на меня запишет. Ох же, и хитрый вы кобель.

– Ты не лайся, не лайся, – примирительно произнёс Карло, – не хочешь – не ходи, так хоть мои штаны найди.

Девка подняла с полу тряпку, видимо, штаны, протянула их Карло, а сама отошла в сторону и стала с любопытством наблюдать, что будет дальше. На её не особо умном лице вдруг появилась тень иронии. А Джемметто тем временем стал вертеть в руках то, что ему дала девка. Честно говоря, что-то общее со штанами в этой материи было, только вот Карло не мог понять что.

– Это что? – спросил он, и в его голосе чувствовалось недовольство. Джемметто вдруг стал подозревать, что девка над ним издевается.

– Как что, – девка захихикала, – известно что, это же портки ваши давеча были.

– Какие же это штаны, дура, это же выкройка.

– Сегодня это, может, и выкройка, а вчерась портки были, – продолжала хихикать девка.

– А кто же мне их так? – Карло повертел материю в руках. Материя была добротная, прочная, из такой паруса шьют, а вот нитки гнилые, швов не удержали. – Какой козёл мне штаны распустил?

– А что же, известно какой, – скалилась толстуха.

– Ну и какой?

– А то вы не знаете какой?

– Скажи, кто мне штаны изуродовал, а то убью, – начал свирепеть Карло.

– Да что вы придуриваетесь, сами всё знаете.

– Дура! – заорал Карло. – Или ты мне скажешь, или я отобью тебе твой толстый зад и твою глупую морду хлеще, чем твой папаша отбивает отбивные.

– Что вы свирепствуете, я вам ваши штаны не драла, – перепугалась девка, – это же трактирщик так с вами.

– Как? – продолжал злиться Карло. – Как он это сделал?

– Известно как – собакой.

– Какой ещё собакой?

– Да вот такой, – девка развела руки, показывая, какая большая была собака и чёрная, как дьявол.

– И с чего бы это он?

– Да известно с чего. Вы рома требовали или водки, а он вас из трактира взашей, а вы стекло ему дрыном побили в окне.

– Так этот подлец за какое-то дурацкое стекло так над моими штанами надругался? – негодованию Карло не было предела.

– Да нет, он не за стекло, за стекло он полицейского позвал.

– А что полицейский?

– А полицейский вас признал и сказал, чтобы разбирались сами и ушёл.

– А я что?

– А вы известно что, давай себе снова рому требовать. А трактирщица вышла и говорит: «Синьор Карло, вы нам и так много денег должны, и всё за ром, чтобы вы им подавились. Побойтесь Бога и идите домой».

– А я что ей сказал?

– А вы ей ничего не сказали, вы ей кулаком в морду, да так, что она упала и юбка у неё выше головы, весь срам на улице. Ну вот, вы ей в морду, а сами давай орать: «Давай сюда рому, а то всех запалю». Вот смеху-то было.

– А со штанами-то что случилось? Причём здесь собака? – недоумевал Карло, сам он ничего этого вспомнить не смог.

– Да, при том, всем-то смешно, что трактирщица весь срам заголила. Вот трактирщик и осерчал. Как заорёт: «А-а-а», – и бегом за дом, а оттудова уже с собакой, и давай её на вас науськивать.

– А я чего?

– А вы тикать на забор, да куда там, пёс-то вас за порты и хватя! И ну вас драть, как тряпку. А вы орать: «Пусти, пусти, трактирщик, убери собаку, а то долг не верну». Все со смеху попадали, а народу было много.

– Говоришь, попадали? – зло спросил Карло. – Меня собаки драли, а они смеялись! Разве же это люди? Это собаки злые!

– Ну а пёс ваши штаны так распустил по швам.

– Люди – свиньи, – философски произнёс Карло. Ему было грустно, так как это были его единственные штаны. К тому же похмелье ещё не отступило. Карло чувствовал необходимость в выпивке. Поэтому синьор Джеппетто всё-таки напялил эти штаны как мог и, ощущая необыкновенную свежесть в районе седалища, сделал несколько шагов, стуча деревяшкой по полу.

Девка залилась громким смехом.

– Э-эх, дура, – Карло сплюнул в сердцах, – ты бы лучше мне какую-нибудь верёвку нашла, а не скалилась.

– И что вам верёвка, ваш волосатый зад и так вчерась все видели, – не унималась толстуха, просто закатываясь от смеха.

Не выдержав этого издевательства, Карло попытался вклеить этой корове оплеуху, но стоял на ногах он нетвёрдо, а девка оказалась достаточно проворной, несмотря на свои габариты. Как и следовало ожидать, синьор Джеппетто по девке не попал, а попал рукой в каминный камень.

– У-ух, зараза, у-ух, как мне больно, – он зажал руку промеж ног и несколько секунд ждал, пока стихнет боль, а потом поднёс её к глазам. На костяшках руки красовались ссадины, причём несвежие. – Дьявол вас всех зажарь. А это у меня откуда? Наверное, об трактирщицу сбил.

– Да не-е, не об трактирщицу, – заверила его девка, – это вы об моего папашу.

– Об папашу?

– Ну да, он меня с вами пускать не хотел, говорил, что я не шлюха идти с вами всего за пять сольдо.

– А я что?

– Вы-то? Вы, как обычно, папашу по мордасам, а мне пять сольдо пообещали.

– Какие ещё пять сольдо? – насторожился Карло.

– Что такое? – взвизгнула девка. – Вы мне тут театр не разыгрывайте, сначала обещали, а теперь отпираются!

– Что я тебе обещал? Какие еще пять сольдо?

– Ах, и глаза ваши бесстыжие. Может, я и толстомыкая, а вы-то меня всю ночь слюнявили и всё задарма, что ли? Вот поглядите, – девица показала пару синяков на плече, – а вот ещё, – она подняла ногу и ткнула пальцем в синяк, находящийся в весьма пикантном месте, – всю ночь меня грыз, как заяц вишню. И всё за красивые глазки, что ли? Обещали пять сольдо, а иначе я с вами в один сортир не пошла бы. У меня и помоложе есть.

– Ты чего мелешь? Ничего я тебе не обещал, – вяло отбивался Карло.

– Обещал, обещал, – завизжала девка, да так, что ложка в стакане звякнула, – у меня и свидетели есть, лживая вы корова.

– Ой, не ори, не ори, оглашенная, у меня и так сил нет, – поморщился Карло.

– Как же не орать, – продолжала девка, – когда вы обещали, а теперь отбрыкиваетесь.

– Да я, может, спьяну что и ляпнул, а ты поверила, а я-то шутил, наверное, – Карло пытался сгладить ситуацию, но пока не знал как.

– Ах, вы... ах, вы... А ещё парик носите, как порядочный, и на шарманке выучились играть, а сами подлец подлецом, – продолжала визжать девка. – Шутит он, видите ли, шутник плешивый. Обещали деньги и не отдаёте, отдайте мне мои пять сольдо!

– Вот ты прицепилась со своими пятью сольдо. Да зачем они тебе, дурёхе?

– Затем! Мармеладку куплю и петушка, и ленту.

– Какого ещё петушка? – Карло чувствовал, что теряет последние силы в этом бессмысленном споре. К тому же эта девица начинала действовать ему на нервы своим визгом.

– Такого петушка, на палочке, – пояснила девица.

– Зачем тебе петушок на палочке? – устало спросил синьор Джеппетто.

– Как зачем? Чтобы лизать.

– Тебе, дура, давно пора лизать сама знаешь что, а не петушков на палочке. Ты, в общем, давай одевайся и иди отсюда, а то шуму от тебя много, а толку нету, – с этими словами Карло, стуча деревяшкой, добрёл до каминной полки и достал оттуда моток бечёвки. Этой бечёвкой он стал приматывать заднюю часть штанов к передней, но то ли руки у него дрожали, то ли таланта к такой работе не было, в общем, вышло плохо, что невероятно разозлило его. Да и дура-девка не унималась:

– Ах, вы, подлость, ах, вы... отдайте пять сольдо, иначе я не уйду и не оденусь. Пёс вы шелудивый, чтоб у вас геморрой случился и горячка, и проказа, и триппер, чтоб вам... Отдайте деньги, подлючая морда!

Это окончательно вывело синьора Джеппетто из себя и, плюнув на плохо сложенные штаны, он изловчился и схватил девку за волосы, подтащил к двери и на пороге дал девке под зад коленом, да так, что у самого колена заломило. Девка брякнулась на мостовую ко всеобщему ликованию и веселью прохожих, а также жильцов близлежащих домов. Оказавшись на мостовой, она завыла:

– Одежду, одежду отдай, подлец плешивый!

Карло под улюлюканье зевак выбросил девке платье и закрыл дверь. Теперь ему надо было подумать о том, где всё – таки взять выпить. Естественно, о работе с шарманкой сегодня не могло быть и речи, состояние было не творческое. В долг, конечно, ему уже никто больше не даст. Это ясно. Пойти написать донесение нет сил, голова совсем не работает. Была, правда, у Карло одна вещь, тайник души, услада мысли. А именно: был у старого шарманщика небольшой горшочек под половицей у камина. Горшочек, наполовину заполненный золотыми цехи-

нами. Синьор Джеppetто собирал их всю жизнь и ни разу, как бы тяжело или голодно ему ни было, он не взял оттуда ни единой монеты. Мысли взять оттуда хоть немного денег с ним случались в такие дни, как этот. Но Карло гнал их от себя и был верен своему горшочку.

«Вот когда я буду стар, – думал он, – и меня уволят со службы, а ходить с шарманкой сил уже не будет, вот тогда я буду брать оттуда по одной монетке в месяц, чтобы хватило на хлеб с луком и на добрый стакан рома».

Но это была идиллическая картина будущего, а в данный момент он расхаживал по комнате в рваных штанах, мучимый похмельем.

«Дьявол меня раздери. В моей каморке я точно рому не найду, сколько ни ходи. Надо идти на улицу и всё-таки попытаться счастье, может, где чего и обломится». С этими мыслями он накинул куртку на голое тело, обул единственную ногу и вышел на улицу, даже не нахлобучив свой любимый жёлтый парик. Джеppetто ещё не знал, куда пойти, и если бы не вчерашний скандал в трактире, то, конечно, направился бы туда. Трактирщик был человек мягкий, даже, можно сказать, трусливый, поэтому там обычно Карло и поправлял своё утреннее здоровье. Но сегодня этот вариант отпадал сам собой. Можно было, конечно, пойти к шахтёрам на край города, у них-то всегда есть что выпить. Да больно люди они грубые, могут и в морду дать, ведь неизвестно, под какое настроение к ним попадёшь. Может, они ещё не забыли, что Карло стащил у них кувшин вина две недели назад, который шахтёры оставили себе на опохмелку.

Ещё можно было зайти в цирюльню, и, если цирюльник дремлет, как это часто бывало, стащить у него одеколон. Но вряд ли цирюльник спит, ещё слишком рано и, скорее всего, сейчас у него клиенты.

Аптека. Ну, нет, этот псих-аптекарь в прошлый раз облил Карло такой мерзкой дрянью, что от него три недели люди шарахались, пока он не помылся, запах был просто ужас. А ещё идиот-аптекарь пригрозил, что если Карло появится на пороге аптеки хотя бы ещё раз, то он обольёт его кислотой, а с него, идиота, станется. Ведь все знают, что этот псих уже дважды лежал в психушке. И один из этих двух раз за то, что зверски зарезал лошадь извозчика Таркони только за то, что Таркони ставил свою клячу рядом с аптекой в течение двух лет и бедное животное, видите ли, гадило аптекаря на порог.

– Эй, шарманщик, – вдруг окликнули Карло с верхнего этажа соседнего дома. Карло поднял голову и увидел почтальона Корботту. Лучик надежды шевельнулся в неопохмеленной как следует душе музыканта, – это от вас под утро вылетают голые девки?

– От меня, уважаемый почтальон, – как можно более вежливо отвечал шарманщик.

– Когда в следующий раз будешь выбрасывать голых девок из своего дома, предупреди меня, я встану пораньше, чтобы посмотреть. А то вся улица только об этом и говорит, а я, как последний олух, проспал всё представление.

– Не извольте сомневаться, синьор почтальон, – заверил его Карло, – обязательно поставлю вас в известность.

– Я буду ждать, синьор Джеppetто, – усмехаясь, произнёс почтальон и уже готов был закрыть окно, но Карло его окликнул:

– Синьор почтальон, – шарманщик вложил в тон всю свою вежливость.

– Да, синьор шарманщик, – синьор Карботто сразу насторожился и стал подозрительным, от его добродушия не осталось и следа.

– А найдётся ли у вас, синьор почтальон... – начал было Карло.

– Не найдётся, – отрезал почтальон, – и не надейся.

– ...всего одной бутылки вина.

– Ни одной капли.

– Я не прошу у вас денег, дайте в долг всего одну бутылку вина.

– В долг? – взвизгнул почтальон. – Да ты же мне и так должен четыре сольдо уже два года, да ещё бутылку вина, две меры муки, мешок риса. И после этого ты набираешься наглости просить ещё?

– Я вам всё отдам, клянусь честью, но сейчас мне нужна бутылка вина или хотя бы стакан.

– Какой, к чёрту, свинской честью ты клянёшься, бесчестный ты человек, ты уже мне год назад клялся своей честью. И что? Да ничего. Проваливай, иначе я запущу в твою плешивую башку табуреткой.

– Эй, ты, не сильно-то разоряйся насчёт моей чести, ты сам воруеть газеты на почте. Это всем известно, кого ни спроси.

– Что? Ах ты, кобель колченогий, – почтальон на секунду скрылся из вида и тут же появился снова уже с ведром в руках, – вот тебе вино.

И он выплеснул ведро помоев на Карло. Тот, конечно, попытался увернуться от картофельных очистков и рыбных голов, но это удалось ему не до конца.

– Такой свинье, как ты, Джеppetто, – орал почтальон, – и помои – вино. А ещё, если ты не уберёшь свой зад отсюда, я сейчас спущусь и сломаю тебе последнюю ногу.

Зная вздорный характер почтальона, Карло не стал сомневаться в его намерениях и поспешил убраться.

«Ну, мерзавец, тебе это с рук не сойдёт, – думал он, отряхивая с себя картофельную шелуху, – уж напишу на тебя такой донос, что господин капитан за голову схватится, когда прочтёт. Не сомневайся, подлец, ишь взяли моду поливать людей помоями. Что я – сточная канава что ли?»

Отойдя на безопасное от этого идиота расстояние, Карло остановился, чтобы немного перевести дух и поразмыслить. И когда его силы были восстановлены, он понял, что кроме как к столяру Антонио, ему пойти некуда. Вернее, есть куда, но во всех других местах риск получить в морду намного выше, чем возможность получить выпивку. Поэтому Карл направился к столяру.

Столяр жил рядом с ним, их огороды граничили и сильно контрастировали друг с другом. Стройные грядки морковки и пышные заросли бобов казались просто английским парком по сравнению с джунглями, в которых обитали почти уже дикие томаты и картофель Карло.

Кстати, ухоженность огорода и опрятность домика столяра всегда раздражали шарманщика, и за всё это он сильно недолюбливал синьора Антонио. И, как следствие, Джеppetто вредил мастеру где только мог, повторяя при этом: «Нет ничего хуже плохого соседа».

Но всё это не помешало ему погромче постучать в дверь мастера Антонио:

– Хозяин, отворяй!

– Кто там? – донеслось из-за двери, и она открылась. Когда мастер увидел, кто за дверью, его лицо побледнело, а столярный карандаш, торчащий из-за уха, выпал и сухо стукнулся об пол.

– Это я, – сказал Карло, – ваш сосед, пришёл справиться о вашем здоровье.

– Очень рад, – произнёс столяр, но, судя по вибрации его челюсти, это было не совсем правдой, – входите, сосед. Вот вам стул, наверное, вам тяжело стоять, – засуетился синьор Антонио.

– Спасибо, сосед, спасибо. Что-то я последнее время вас не вижу. Где пропадете? Может ездили куда навестить родственников?

– Нет, синьор Джеppetто, – грустно отвечал мастер, его красный нос стал ещё краснее, – никуда я не ездил.

– А где же вы были?

– Я был в тюрьме, – выдавил из себя синьор Антонио.

– Да бросьте, неужели в тюрьме? – Карло хлопнул себя по коленям руками. – Да за что вас туда забрали? Признайтесь, наверное, опрокинули лишнего за воротник и с кем-нибудь подрались?

– Нет, – Антонио тяжело вздохнул, – всё не так просто.

– А что же случилось? За что вас туда упекли?

– За неблагонадёжность, – еле выговорил столяр.

– Да идите вы! – не поверил Карло. – Вы шутите? Это вы-то неблагонадёжный? Да пусть пусто будет той свинье, которая о вас так думает. Я и не знаю человека более благонадёжного и порядочного, чем вы.

– Вы очень добры, синьор сосед, только вот следователь долго не мог поверить в это.

– Да что вы, вот мерзавец. Мерзкая полицейская ищейка.

– Берите выше, он – не простой полицейский. Он из тайной полиции.

– И в чём же вас обвиняли?

– В том, что я помогал беглым каторжникам, особенно политическим, и в том, что я сочувствую социалреволюционерам, а, может, и храню даже запрещённую литературу.

– Эх, куда хватили, – возмутился Карло.

– А ещё меня подозревали в оскорблении церкви и ереси.

– О, Господи, да они ополоумели. Это ж надо, – произнёс Карло, у которого уже не было сил терпеть и вести светские беседы, ему ужас как хотелось выпить, и он перешёл к делу, – вы уж простите меня, сосед, но я к вам по делу.

– Да? Чем могу?

– Должок хочу у вас забрать, если вы не запамятовали, то у меня на огороде вы выкопали бутылку с виноградным самогоном.

– Синьор Карло, – взмолился мастер, – клянусь вам, что никогда я не брал с вашего огорода ни фляги, ни бутылки, ни кувшина. Честное благородное слово.

– Вижу, – Карло встал со стула, – вижу я, что вы не только вор, синьор мастер, а ещё и упрямец, и мало вас держали в тюрьме, я бы вас туда на год упёк бы.

– Но, помилуйте...

– Не смей меня перебивать! – заорал шарманщик. – Подлый карбонарий и вор. Я про тебя всё знаю, я тебя выведу на чистую воду, я всем расскажу, что ты вообще, может быть, даже и бомбист.

– Помилуй Бог, – синьор Антонио перекрестился, – что вы такое говорите?!

– Да-да, бомбист, и, может быть, вы тут не табуретки делаете, а бомбы. Вот это что? – Карло ткнул пальцем в великолепное полено, лежащее в ореоле золотистых стружек на столе мастера. – Что это?

– Помилуй Бог, – мастер был еле жив от страха, – синьор Карло, это же обыкновенное полено.

– Полено? – заорал шарманщик. – Полено? А не вы ли, мастер Антонио, в позапрошлом году кинули бомбу в карету полицмейстера города Болле? А? Или, может быть, вы никогда не слышали об этом? Не слышали, как убили честнейшего из полицейских?

– Да что вы, что вы, – столяр схватил полено со стола и двинулся к Карло, – вот глядите, это обыкновенное полено.

– Стой на месте, негодяй, не двигайся, якобинец. Я не позволю себя убить каким-то дурацким поленом, – продолжал орать Джеппетто, – даже во имя вашей поганой революции.

– Да я не имел ничего такого и в мыслях, – Антонио стал даже заикаться, – я просто хотел показать вам это полено. Оно, – он постучал по нему костяшками пальцев, – абсолютно обыкновенное, только из очень хорошего дерева.

– А зачем тебе это полено? – прищурившись, и с большой долей подозрения спросил Карло.

– Судебный исполнитель Кротти просил выточить ему ножку для стола. У него очень большой стол и нужна очень хорошая ножка.

– Это что же, подлец, ты хочешь запугать меня своими высокими покровителями? Даже и не думай. Я выведу на чистую воду и тебя, и твоего Кротти, и всю вашу шайку. Как гражданин и патриот я не позволю... Не позволю! – у Карло во рту всё пересохло, ему очень хотелось выпить, поэтому он не сообразил, чего именно он не позволит, и продолжил: – В общем, не позволю, так и передай этому негодяю Кротти.

Столяр был близок к обмороку, его руки дрожали, едва удерживая полено.

– Может, мы не будем ссориться и что-нибудь выпьем? – предложил он, нетвёрдо стоя на ногах. – По маленькому стаканчику винца.

– Экий вы всё-таки подлец, синьор сосед, если думаете, что настоящего патриота можно купить маленьким стаканчиком вина.

– Ещё у меня есть один сольдо, – уже с некоторой надеждой вспомнил столяр.

– Один сольдо? Пора бы вам знать, синьор Антонио, что меня не купишь за один сольдо и даже за два.

– Но у меня больше нет, – произнёс Антонио так искренне, что Карло поверил.

– Вот такие негодяи, как вы, сосед, и пользуются бедственным положением народа, чтобы творить свои злодеяния. Давайте сюда свой сольдо. Я беру его у вас в долг, и только потому, что падаю от голода. И вино давайте.

Мастер поспешил выполнить все требования шарманщика, и уже через минуту Карло сжимал почти полную бутылку вина, а в его кармане куртки лежал один сольдо. Прямо здесь же Карло начал пить вино и, выпив треть бутылки, произнёс:

– Кстати, и полено давайте сюда, я проверю, не бомба ли это.

– Возьмите, – грустно сказал мастер, отдавая полено.

– И запомните, – Карло забрал деревяшку и погрозил мастеру горлышком бутылки, – и передайте своим: никаких бомб в нашем квартале. Запомнили?

– Запомнил, – тяжело вздохнул мастер.

Карло вышел, а синьор Антонио перекрестился и подумал, что лучше переехать в другой город от греха подальше.

Глава 4

Сам процесс

Меня всегда интересовало, какими качествами должен обладать человек, чтобы сотворить чудо. Не в религиозном понимании этого слова, а в самом что ни на есть бытовом. Каким нужно было обладать мастерством, какой широтой души и внутренней силой, чтобы вот так просто сесть и сделать из полена человека. Лично мне это до сих пор непонятно.

Так что же толкнуло одинокого и немолодого Карло Джеппетто изваять из дерева это удивительное существо, которое очень многие будут знать под именем Пиноккио-Буратино?

Карло выпил полбутылки, ещё не дойдя до дома. Он выпил бы всё, но шарманщик был из породы людей, которые думают о будущем. Карло экономил. У него, конечно, был ещё один сольдо, но, к глубочайшему его сожалению, иногда шарманщик испытывал голод, и он понимал, что это всё вино, которое отпущено ему на сегодня. Если, правда, где-нибудь не обломится халява. Дойдя до своей каморки, он сел и осмотрелся. Самочувствие его пришло в норму, и вместе с ним в голову полезли разные дурацкие мысли типа: помыть посуду, подмести пол и так далее. Но Карло гнал их прочь и из всей уборки произвёл только выдворение дохлой крысы за порог. Таким образом, улучшив санитарно-гигиеническое состояние своего жилища, он решил сделать себе куклу.

Мало кто в этом городе знал, что синьор Джеппетто двадцать пять лет провёл в море и десять из них корабельным плотником, и резать из дерева кукол было его любимым занятием, во всяком случае раньше.

Конечно, куклы были ещё те уродцы. Они были и мужчинами, и женщинами, может, утонченным эстетам они бы показались похабными и злыми, но матросы с тех кораблей, на которых служил Карло, были людьми простыми, и чем похабнее была кукла, тем больше она им нравилась.

В общем, Карло взял свой матросский сундучок, достал оттуда инструменты и сел к столу. Вино же, треть бутылки, он водрузил на каминную полку, с глаз подальше, чтобы не было соблазну. После чего достал из сундучка специальный плотницкий нож и начал резать.

Сначала он хотел сделать бабу: у моряков именно такие куклы пользовались повышенным спросом. Уже он начал работу и сделал несколько уверенных движений, как вдруг полено дёрнулось и произнесло:

– Эй, полегче, в этом месте срезать много не надо.

Первая мысль синьора Джеппетто была по поводу алкоголя и его влияние на душевное здоровье человека:

– Кажется, достукался, – грустно произнёс он самому себе, затем выждав несколько минут, он снова принялся за работу.

– Эй, ты у меня сейчас и вправду достукаешься, – произнёс всё тот же писклявый голос, который очень не нравился Карло, – не ковыряй в этом месте, я тебе говорю.

– Да что это такое? Кто это мне указывает, где мне ковырять, а где нет? – возмутился шарманщик.

– Я указываю.

– Кто я?

– Полено.

– А какого хрена ты мне указываешь? Что хочу, то и отрежу, – заявил Карло.

– Не надо, – как-то не по-доброму предупредило полено.

– Ты мне что, угрожаешь? – возмутился шарманщик. – Гляньте на него, полено поленом, а туда же, угрожает.

– Не надо там ковырять, – продолжило настаивать полено.

– Молчи, дура, – Карло треснул полено о край стола, – а то вообще в камин полетишь и оттуда будешь указывать.

Полено осталось безмолвно и больше не пищало. Поэтому Карло Джеppetто признал себя победителем и снова начал резать. Но он рано праздновал победу над этой деревяшкой. Она была коварна и сдаваться не собиралась. Карло начал двигать нож по намеченному маршруту, и когда он приложил максимальное усилие, полено вдруг дёрнулось и крутанулось вокруг своей оси. Острый, как бритва, матросский нож соскользнул с дерева прямо на левую руку, сжимавшую полено.

– А-а! – заорал шарманщик и, отшвырнув нож в сторону, заходил по комнате, стуча деревяшкой и капая на пол кровью. – Ну, сволочь, погоди, – пообещал он полену, – ты ещё будешь раскаиваться, пень трухлявый.

– Не надо ругаться, – загнусавило полено, – я же тебя предупреждало, что в этом месте резать не стоит.

– Это ещё почему? – не удержался от любопытства шарманщик.

– Но ты что, совсем глупенький? – в голосе полена послышалась издёвка. – Не понимаешь что ли, я же не баба.

– А кто же ты? – Карло тем временем нашёл грязную тряпку и перевязал себе руку. – Мужик что ли?

– Мальчик.

– Мальчик, – передразнил его синьор Джеppetто, – гадёныш ты деревянный, а не мальчик. Вон как руку изуродовал. Ну да ладно, я тебе этого не спущу, я на тебе суп погрею.

– Суп? – абсолютно спокойно спросило полено. – Суп это иррационально. Ты лучше подумай над тем, кто тебе будет бегать за пивом в похмелье или, к примеру, принесёт воды в старости или когда будешь болеть.

– Не-ет, только суп.

– Какой ограниченный болван.

– Не обзывайся, деревьяха, – сказал Карло, но сам стал размышлять над словами полена.

– Хорошо, не буду обзываться, буду взывать к твоему рассудку, если ты его не пропили до конца, – пищало полено, – надеюсь, ты понимаешь, что мы можем сосуществовать, принося друг другу пользу?

– А какую пользу ты мне можешь принести, деревьяха?

– Какую?! О, Создатель, какой осёл! Ты можешь вырезать из меня мальчишку, воспитать его, выучить и обеспечить себе старость.

– А вдруг он вырастет оболтусом и будет сидеть у меня на шее?

– А это как воспитаешь.

– А вдруг он будет такой же противный, как и ты? Занудой какой-нибудь?

– Не будет, – пообещало полено, – бери нож и режь. И никакого супа.

– Ладно, в случае чего я погрею суп на том, что получится.

– Договорились, но он должен быть мальчишкой. Это обязательное условие. И ещё: не делай из него ещё одного уродца, каких ты наделал уже сотню. Сделай его посимпатичнее.

– Не учи, – огрызнулся Карло. Подошёл к каминной полке, взял бутылку и сделал огромный глоток для вдохновения. Поднял с пола нож, сел к столу и сказал: – Будет симпатягой.

«И то, – думал он в творческом порыве, – будет хоть кого за пивом послать. А уж горшочек с цехинами я перепрячу, не найдёт».

И работа закипела. Через определённые отрезки времени, продиктованные жадой души, Карло вставал и делал небольшой глоток вина, экономя эликсир своего вдохновения, и садился к столу снова. Так он проработал два часа, можно сказать, на одном дыхании, прежде, чем, разметав здоровой рукой стружки, он смог полюбоваться своим творением.

Мальчик получился чудо как хорош. Голова круглая, как мяч для футбола, глаза круглые, как у рыбы. И уши круглые и залихватски торчат в разные стороны, в общем, любо-дорого смотреть. Правда, с волосами вышла незадача. На великолепно-круглой голове торчал только один вихор в районе темени, но зато какой задорный. А нос вышел на славу, куда там какому-то Сирано, он и рядом не стоял, и знаменитый нос Людовика не шёл ни в какое сравнение с тем дыхательным агрегатом, которым располагал деревянный мальчишка.

Но Карло сделал этот роскошный нос не для красоты, и предназначение он имел весьма утилитарное. Представьте себе, протекает очередной воспитательный момент, и папаша то ли спьяну, то ли от плохого настроения хочет врезать пару раз своему деревянному оболтусу, а всем известно, что дети чрезвычайно вертлявы на этот счёт и в такие моменты держать их надо особенно крепко. И за что же, спрашивается, его держать, если уши круглые и плоские, а волос на башке – кот заплакал. Вот тут-то нос и пригодится: если уж за него схватишься, то не вывернется даже самый вертлявый мальчишка. В общем, ребёнок получился – загляденье, да и только. И когда, налюбовавшись им, новоиспечённый папаша отошел к каминной полке, чтобы сделать очередной глоток, то совсем рядом, за своей спиной, он услышал скрипучий и высокий голос:

– И мне дай попить.

Карло чуть не выронил бутылку из рук от неожиданности. Он схватился за сердце и опустил глаза к полу. Перед ним стоял его деревянный сын, весело задрал длинный нос кверху, и тарачил свои глаза на Карло. А ещё он тянул свою ручонку к отцу, явно требуя вина, и продолжал гнусаить:

– Ты что, не слышал? Дай мне попить и побыстрее.

– Побыстрее, говоришь? – произнёс папаша тоном, который ничего хорошего сынку не предвещал. – Ладно, не думал, что это будет так быстро.

С этими словами он схватил сына в первый раз и начал отвешивать ему увесистые пинки.

– Ой-ой, за что? – завизжал мальчишка, получая первый пинок. – Что я такого сделал? Я просто хотел попить.

– Ты меня напугал, – объяснял Карло, давая ему второй пинок деревяшкой.

– Ой, как мне больно, осторожнее вы пинайтесь своими ножищами.

– Никогда не смей ко мне подкрадываться сзади, запомнил? – очередной удар сотряс тело ребёнка.

– Запомнил, запомнил, простите меня.

– Никогда не говори мне «побыстрее» и ничего от меня не требуй. Запомнил?

– Запомнил. Да, да. Я всё понял и запомнил. Больше такого не будет, простите.

– А вот тебе ещё один пинок, чтобы ты понял, что жизнь наша полное дерьмо, – произнёс Карло и наконец отпустил нос мальчишки, – а теперь повтори, что тебе надо было запомнить?

– Значит так, – отвечал ребёнок, – вас нельзя пугать, нельзя от вас ничего требовать и что ваша жизнь – полное дерьмо.

– Молодец, – сурово сказал отец, – хороший парень. Только жизнь у нас дерьмовая у обоих. Такая наша планида, чтобы ей пусто было.

– А не скажет ли мне досточтимый синьор, – начал мальчик, – можно ли в следующий раз отделить процесс обучения от пинков, я – ребёнок талантливый, и могу усваивать информацию без подобных педагогических приёмов.

– Без пинков нельзя, – сухо сказал отец, – пинки улучшают память.

– А можно ли мне давать кому-нибудь пинки, если хочется?

– Конечно, только нужно знать, кому можно давать, а кому нет. Нельзя давать пинки тому, кто сильнее, и тому, кто главнее. Остальное лупи почём зря, чтобы уважали. Уважение – основа жизни.

– А как же различать всех этих людей? Как мне отличить, кто сильнее, а кто главнее? На них же не написано.

– Ну тот, кто больше тебя, тот и сильнее. А кто главнее, – тут папаша задумался, и пришёл к выводу, что так просто это не объяснишь, – чтобы научиться различать, кто главнее, а кто нет, нужно учиться в школе.

– И я тоже буду учиться в школе? – спросил мальчик.

– Да учишься уж, всё равно бесплатно, – папаша махнул рукой, – может, выучишься на какого-нибудь инженера, врача, адвоката, а может, ещё на какого-нибудь жулика.

– Как славно, как славно, – запищал мальчишка и захлопал в ладоши.

– Э, слышь, не зови меня «достопочтимым синьором», что за моду взял.

– Хорошо, а как же мне вас звать? – деревянный человечек вылупил свои глаза на Карло и ждал ответа.

– Я – твой папаша, можно отец, можно папа, а зовут меня Карло Джеppetто – это моё имя. Понял?

– Да, Карло, то есть папа. Я всё понял. А как в таком случае зовут меня?

– Тебя? Чёрт, я ведь и вправду об этом не подумал, – Джеppetто стал чесать затылок, пытаясь придумать сыну какое-нибудь имя, но в голову лезли одни клички, обзывательства и слишком помпезное имя Сигизмунд.

– Ну, папа, какое же у меня будет имя? – продолжал приставать пацан.

– Имя должно быть, – соглашался отец, – а то интересно получается, только родился, пинков уже получил, а имя ещё нет.

– Может быть, Рафаэль, – предложил сынок, – мне нравится, красиво звучит.

– Что за глупости, Рафаэль – гадость какая.

– А может...

– Помолчи, дурья башка, отец думает, а ты его с мысли сбиваешь, – перебил сына Карло, – да, забавно получается, мальчишка получил пинки вперёд имени. Ха-ха. Пинки... Хм... Пинки, – и тут папаша расцвёл, – Решено. Такого имени я ещё не слышал. Будешь Пиноккио. Ха-ха-ха. Пиноккио.

– Папа Карло, – загнусавил мальчишка, – а нельзя ли мне иметь другое имя, боюсь, что с таким именем я стану объектом насмешек и преследований со стороны сверстников. К тому же полагаю, что это имя будет провоцировать их на всякие недружественные действия. Посудите сами, мало того, что я сам деревянный, так ещё и имя у меня про пинки.

– Ничего, ничего, злее будешь. Жизнь, Пиноккио, тяжёлая штука. И если ты с детства не научишься бить морды и раздавать подзатыльники, то тебя просто заклюют. Запомни это. А то, что имя про пинки – это хорошо. Это ведь не значит, что пинки будут давать тебе. Может, это ты будешь пинаться налево и направо, тем более что ноги у тебя деревянные.

В общем, Карло был доволен, что завёл ребёнка. «Будет ходить со мной по городу с шарманкой, будет петь и плясать, подавать будут больше. Вон он у меня какой красавчик», – думал Джеppetто, но сын прервал поток его приятных мыслей.

– Папа Карло, простите мою дерзость, но мне почему-то кажется, что мне хочется кушать.

– Кушать? Поглядите на него, ещё нигде и ничего, а уже «кушать», – разозлился отец. – Ты мне эти замашки бросай, «кушать», видите ли, ему хочется. Я тебе не граф какой-нибудь. А ну-ка бери веник, вон стоит, и быстро чтоб подмёл каморку. И сходи за водой.

– Хорошо, папа, – сказал Пиноккио.

– А если уж совсем жрать будет хотеться – попей водички.

– Хорошо, папа.

– А я пойду, может, где сворую пожрать.

– Папа, а разве можно воровать? – изумился сын.

– Эх, ты, дурак деревянный, конечно можно. Можно делать всё, если тебе за это ничего не будет. Запомни это.

– Хорошо, папа.

– Ладно, подметай, – произнёс отец и вышел.

А мальчик остался один. Он был очень хороший ребёнок. И как всякий хороший ребёнок, Пиноккио начал подметать каморку со всей тщательностью, на которую был способен и насколько ему позволяли остатки веника. А когда он засунул эти остатки под комод, который почти развалился, оттуда послышалось:

– Поаккуратнее, пожалуйста.

– Эй, кто там? – спросил Пиноккио, заглядывая в тёмную щель.

– Это я, Говорящий Сверчок.

– А что вы там делаете, синьор Говорящий Сверчок?

– Что, что, живу я здесь, вот что. А ты тут своим дурацким веником размахиваешь, пылищу поднял, – было видно по тому, что сверчок тот ещё брюзга.

– Извините меня, пожалуйста, синьор Говорящий Сверчок, но мой папа сказал, чтобы я подмёл пол, – начал оправдываться Пиноккио.

– А ты побольше слушай этого алкоголика, может, он тебе скажет в прорубь головой. Нырнёшь, что ли?

– Синьор Говорящий Сверчок, – произнёс мальчик серьёзно, – прекратите обзывать моего доброго папу Карло. А иначе...

– Ну а что иначе?

– Иначе я не буду с вами общаться. Вот!

– Ах, ах! Какое горе! Как я напуган и расстроен. Сын алкоголика, дебил с дурацким именем Пиноккио, не будет со мной общаться. Как я это переживу?

– А вот и не буду общаться, – твёрдо заявил мальчик, – и назло вам сейчас опять начну мести. И всю пыль загоню к вам под комод.

– Ну ладно, ладно, – примирительно произнёс синьор Говорящий Сверчок, – какой ты, однако, принципиальный.

– Будьте так любезны впредь, синьор Говорящий Сверчок, не обзывать моего папу обидными словами.

– А что ты за него так заступаешься? – спросило насекомое, – он вот как с тобой обходится. Ты только на свет появился, а он уже тебя отлупил. Имя, опять же, дал какое-то дурацкое, а пожрать не дал. А ты за него горой.

– Извините, что я вам это говорю, – твёрдо произнёс Пиноккио, – но мне кажется, что наши отношения с отцом никого, кроме нас, не касаются. И с вашей стороны очень неприлично подслушивать.

– А что мне ещё делать? – взвизгнул от возмущения Говорящий Сверчок. – Тут с самого утра творится какой-то бардак, невольным слушателем которого я являюсь. Сначала скандал с девкой, потом воспитательный процесс с тобой, а я всё это выслушиваю. Что же мне, по-твоему, уши затыкать? Так мне их придётся заткнуть на всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо, я не могу обвинить вас в том, что вы подслушиваете нарочно, поэтому оставим этот разговор.

– Оставим, – согласился Говорящий Сверчок.

Пиноккио некоторое время молчал, размышляя о чём-то своём, а затем попросил:

– А не затруднит ли вас, синьор Говорящий Сверчок, вылезти из-под комода?

– Зачем это? – подозрительно поинтересовалось насекомое.

– Мне было бы очень любопытно на вас взглянуть.

- А веником драться не будешь?
- К чему же мне бить вас веником? Я надеюсь, что мы будем добрыми соседями.
- Ладно, – донеслось из-под комода, и из темноты вылезло насекомое.
- О, Господи, – Пиноккио даже отшатнулся, увидев его.
- Что такое? – поинтересовался Говорящий Сверчок.
- Ну какой-то вы... – мальчик не подобрал нужного слова.
- Какой? Какой я? – насекомому было явно не безразлично мнение мальчика по поводу своей внешности.
- Какой-то вы непрезентабельный, – пытаюсь смягчить ситуацию, произнёс Пиноккио.
- На себя посмотри, – обиделся Говорящий Сверчок и залез под комод обратно, – чучело деревянное, а туда же, рассуждает ещё...
- Не обижайтесь, я...
- Молчи, деревяшка, тоже мне, верх эстетического наслаждения. «Непрезентабельный», видите ли. Умник выискался.
- Я не хотел вас обидеть, уважаемый Говорящий Сверчок, – горячо произнёс Пиноккио, – и в мыслях не было. Просто я представлял вас иначе.
- Ладно, парень, в общем, я не в обиде. Я и сам себе не очень-то нравлюсь, если честно. Только за то, что ты меня обидел, ты уж, пожалуйста, пыль из-под комода не выметай. Договорились?
- Договорились, – согласился мальчишка и принялся подметать дальше, – синьор Говорящий Сверчок, а давно ли вы тут живёте?
- Да нет, года три.
- А где жили до этого?
- О, – в голосе Говорящего Сверчка прозвучала сладкая истома, – до этого я жил в офицерском клубе.
- Да вы что? – Пиноккио даже перестал подметать. – Как интересно. А почему вы оттуда ушли?
- А, – Говорящий Сверчок, наверное, даже махнул одной из своих лап в разочаровании, – это всё из-за этих идиотов, тараканов.
- Вы что, с ними не ладили?
- Да нет, в общем, ладили. Не смотря на то, что они – законченные тупицы.
- Что же произошло?
- Вот тупые они, хоть кол на голове теши. Сколько раз этим дуракам повторял: господа тараканы, будьте сдержанны в своих сексуальных порывах, будьте благоразумны, не размножайтесь с такой быстротой и в таких количествах. Я, конечно, понимаю, это дело приятное, но они меня не слушали.
- И что же?
- Тупые болваны отвечали: ты в нашу демографическую политику не лезь, а то мы тебе морду набьём.
- И чем же дело кончилось?
- А чем же это могло кончиться? Конечно тем, что господам офицерам осточертело вылавливать из супа этих ослов, этих демографических хулиганов. И они вызвали санэпидемстанцию. Те приехали и всё залили дустом.
- Какой ужас!
- Ужас – это не то слово. Представь себе, дружок, тысячи и тысячи дохлых тараканов и столько же ещё умирает. Плачут лежат, лапками шевелят, их тошнит. Они и так-то противнее меня, а тут ещё и блюют. Короче, картина – не приведи Господи. Я им говорю: «Ну что, достукались?» А они отвечают, какие же упрямые: «Размножились, мол, и будем размножаться».
- Какие стойкие, – восхитился мальчик.

– Да, в этом плане стойкости у них не занимать. А вообще существа они неприятные, суетливые какие-то, вечно голодные и грубые, что твой папаша.

– Не надо о папе, – предостерег его Пиноккио, – лучше расскажите мне о господах офицерах.

– Офицеры, – мечтательно произнёс Говорящий Сверчок, – офицеры – это да! Это люди с большой буквы. И мундиры у них красивые, и люди они весёлые, только, по-моему, абсолютно бесполезные.

– Как это?

– Ну, все люди что-то делают, работают, что-то производят. Вот, к примеру, твой бестолковый папаша, и тот на шарманке играет, людям радость приносит или, к примеру, доносы строчит. Тоже дело полезное.

– Не надо про папу, – напомнил мальчик.

– Ладно, не буду, – в который раз пообещал Говорящий Сверчок и продолжил: – Пиноккио, меня самого всегда интересовало, зачем нужны господа офицеры. Они, конечно, красавцы: усы, ноги всякие, уши опять же, кто же спорит? Но вот чем они занимаются и где деньги зарабатывают, я так и не выяснил.

– А что же они делают в этом самом офицерском клубе?

– Днём – не знаю, а вечером режутся в карты, пьют вино, мучают девок. Это, на мой взгляд, самое интересное занятие. А ещё рубятся на саблях и блюют.

– Блюют? – не поверил мальчик.

– Ну да, блюют. Только блюют, как правило, корнеты и поручики. А как получит звание капитана, так всё, с блевотиной как обрезало: либо мордой в салат, либо под стол. В общем, старшим чинам блевать не полагается.

– Как интересно, какая у них забавная дисциплина, – деревянный человек на минуту задумался, а затем продолжил: – А как они мучают девок?

– Это тебе ещё рано знать.

– А если хочется?

– Но если хочется, расскажу. Главное в общении с девками – это их напоить.

– Чтобы пьяными были?

– Чем пьянее, тем лучше. Был там один майор. Ух, красавец! Шпоры звенят, усы торчат, глаза горят, на саблях рубился, как зверь. И вот этот майор любил повторять: «Пьяная баба себе не хозяйка». Вот ты её напиваешь как следует, а потом раздеваешь.

– Догола?

– До самого, что ни наесть, гола. После чего девку кладут на спину или ставят к себе спиной и наклоняют, получается очень забавно.

– А дальше?

– А дальше, если честно, я сам не мог понять, что они делают. Но посмотреть очень любил.

– Как романтично, – произнёс мальчик, представляя себе картину, – я тоже хочу быть офицером.

– Не стоит, – отсоветовал Говорящий Сверчок, – жизнь у них, конечно, красивая, но живут они больно не долго.

– Почему? – спросил Пиноккио, и ему стало очень жалко господ офицеров, которые так красиво и так мало живут.

– Почему-почему, не знаю я, почему. Порядок у них такой. Сидят себе сидят, спокойно курят, в карты режутся, и вдруг один из них как вскочит и заорёт: «Жулик, жулик». А другой ему под стать орёт: «Я не потерплю» и бац первого по мордасам рукавицей с пальцами. И все начинают орать: «К барьеру, к барьеру». Сколько ни жил в клубе, ни одного барьера не видел. Кстати, а из-за чего весь сыр-бор? Оказывается, один жульничал, а другой заметил. Ну

заметил и заметил, обозвал жулика, казалось бы, и всё – конфликт исчерпан, да какой там, как распалется, что от них сигарету прикуривать можно, а остальные ещё и подначивают, орут: «К барьеру, к барьеру». Это значит, что без сабель и шашек уже не обойтись.

– А что же они делают этими саблями и шашками?

– Для начала порубят всю мебель и посуду вокруг, а когда устанут, то и друг друга.

– Ой, мамочки, и друг друга? До крови?

– До крови – это мягко сказано, любезный друг мой, офицеры уж если рубят, то либо до кишков, либо до мозгов, а просто до крови у них редко бывает.

– Какие храбрецы!

– Этого уж не убавить, не прибавить – храбрецы точно. Или вот ещё случай. Сидят себе играют в карты и вдруг бац! Один встаёт и уходит, гордый весь такой и одинокий. В отдельном кабинете сядет, закажет себе шампанского, посидит, попьёт, напишет письма, а потом себе в башку из здоровенного пистолета ба-бах – и готов огурчик. Спёкся красавчик.

– О, Господи, да зачем же?

– Затем, что спустил папашино наследство.

– В голову из пистолета... Это, наверное, очень больно, – посочувствовал Пиноккио.

– Не знаю, может, и больно, только когда их из кабинета выносят, они уже ни на что не жалуются.

– Какие мужественные люди. А зачем же они папашины денежки продувают?

– Не знаю. Правило у них, наверное, такое: продувать денежки. Они без этого жить не могут: мёдом их не корми – дай деньги попродувать.

– Какие щедрые люди.

– Щедрые – это верно. Иногда девкам последние деньги отдают.

– А как же они в карты режутся? – Пиноккио очень заинтересовал этот вопрос. Ему казалось, что и занятия у таких замечательных людей должны быть замечательные.

– Парень, тебе, конечно, здорово повезло. Если будешь хорошо себя вести, я научу тебя играть в карты и даже жульничать.

– Ой, как здорово, здорово, – Пиноккио даже запрыгал и захопал в ладоши, – я буду совсем как офицер, а что нужно для игры в карты?

– Нужна только колода карт, и она у меня есть. Так что давай бросай свой веник. Сейчас будем играть.

– Но папа сказал...

– Ну как хочешь, я-то думал, ты хочешь быть офицером...

– Ладно, – решил мальчик, – я сейчас немножко поучусь, а потом подмету пол.

И процесс пошёл. Очень скоро мальчик разобрался в шестёрках, тузах и дамах, а Говорящий Сверчок понял, что ученик ему достался не по годам смышлёный, и после теории карт они перешли к играм.

– Самые распространенные игры – это: очко, сека, бура, деберц, преферанс, бридж, вист, винт, фараон, козёл, дурак.

– Звучит как ругательства, – вставил мальчик.

– Не перебивай. Из-за тебя забыл остальные игры, ну да ладно. Очко, сека, деберц и бура – это игры для профессионалов, то есть для катал.

– Для катал? А кто это?

– Это люди, для которых игра в карты является профессией, и которые всю жизнь разводят лохов.

– А кто такие лохи?

– Это те, кого опускают на бабки.

– На бабки?

– Это значит деньги. Что ж ты такой непонятливый?

– А как на них опускают?

– О, Господи, да что это такое! Опускают – это значит подсаживают, кидают, разбодяживают, нагревают, выкруживают, раскручивают, нахлобучивают в общем, любым способом изымают у них деньги.

– Понятно.

– Так вот, задача любой карточной игры, как думаешь, что?

– Опустить, посадить, кинуть, разбодяжить, нагреть, выкружить, раскрутить, а попросту – обыграть лоха, – как по писанному отчитал мальчик.

– Ну, а кто такой лох?

– Любой носитель дензнаков, потенциально являющийся жертвой каталы.

– Молодец, – похвалил Говорящий Сверчок, – чётко формулируешь. Дальше идут благородные игры: винт, бридж. В такие игры играют даже знаменитые люди: всякие актёры, министры, артисты и прочие надутые индюки. Затем игра преферанс. Игра игр, услада мастеров. Ну а остальные, всякие типа козла, дурака – игры для болванов. Их названия говорят сами за себя. Хотя нужно обладать незаурядными способностями, чтобы играть в дурака и не проигрывать.

Мы же начнём с самой жульнической игры, с очка. Правило номер один – прежде чем играть, определи, кто твои соперники, если покажутся опасными, никогда не играй.

– А если не покажутся?

– Если не покажутся, то после подрезки обязательно сдвинь и посмотри нижнюю карту так, чтобы оппоненты не видели. А им будешь сдавать с колоды.

Говорящий Сверчок продемонстрировал этот маленький трюк, и Пиноккио запомнил его навсегда, впрочем, как и все остальные, которые демонстрировал насекомое. А их было немало, как и карточных игр, как и правил.

В его детском мозгу навсегда отпечатались фразы типа: «на стуке с банка половину», «с секой кон не поднимают», «два паса, в прикупе чудеса», «молодка без права хода», «под игрока с семака» и прочее, прочее.

В общем, мальчика впитывал всё, как губка, и Говорящий Сверчок был доволен своим учеником. Час шёл за часом, а они играли в одну игру за другой, даже не обращая внимания на темноту, которую принёс вечер.

– Ну ладно, – наконец произнёс Говорящий Сверчок, – кое-чему ты научился, но надо работать дальше, нельзя останавливаться на достигнутом.

– Давайте ещё сыграем в преферанс, я не до конца его освоил, – попросил Пиноккио, – да и бридж тоже.

– Пустое. Без третьего в преферанс играть – что одному любовью заниматься, да и глаза мои уже староваты, в темноте уже плохо вижу, – отвечал Говорящий Сверчок, – а тебе ещё и подмести нужно, и за водой сходить.

– Ах, как я мог забыть, – хлопнул себя по лбу паренёк. Было взялся за веник, но понял, что в полной темноте подмести бессмысленно, сбегал за водой и лёг на кровать.

«Мамочки, что будет, папа сказал мне подмести пол и принести воды, а я заигрался и забыл», – думал мальчик. Но вскоре горестные мысли покинули его, и, если бы не голод, можно было бы сказать, что ребёнок уснул счастливым. «Какой интересный этот мир, как хорошо, что папа сделал меня», – подумал он прежде, чем его глаза закрылись.

Папаша в эту ночь домой не пришёл, видимо, у него были какие-то неотложные дела. Поэтому утром, с первыми лучами солнца, Пиноккио встал, позавтракал водой и быстро подмёл пол и навёл порядок. Когда он уже отставил веник, дверь открылась, и на пороге появился папаша:

– Ну? – сурово спросил он.

– Я всё сделал, как вы, папа, хотели, – отрапортовал он.

– Молодец, – скуп похвалил Карло сына и протянул ему штаны, – вот тебе штаны, не новые, конечно, зато чисто выстиранные, только что с верёвки снял.

– Спасибо, – Пиноккио кинулся было поцеловать отца, но тот отстранил его рукой.

– Не люблю слюнтяйства. Вот тебе пожрать, – он дал сыну небольшую головку лука, – А вот тебе гусиное перо, учись, сынок.

После этого Карло рухнул на кровать и, не раздеваясь, заснул.

– Папа, что с вами? – Пиноккио начал тормошить его, но отец был безмолвен. Парень вдруг подумал, что он умер, очень испугался и спросил: – Папа, вы не умерли случайно?

– И не надейся, – донеслось из-под комода, – нажрался просто, как обычно.

– Ах, как хорошо, – воскликнул мальчик, – вот видите, синьор Говорящий Сверчок, какой у меня заботливый отец.

– Ну-ну, – донеслось из-под комода.

Пиноккио напялил штаны с ляжками, которые были ему очень велики, взял в руки перо и уселся у стола завтракать луковицей. Ему никто не объяснил нежелательность потребления луковой кожуры. Но и с кожурой завтрак ему понравился, несмотря на слёзы, текущие по щекам. Запив завтрак водой, он оправил свой гардероб и первый раз в жизни вышел из дома. Парень шёл учиться в школу.

Солнце светило, как бешеное, небо было голубое до неприличия, день был великолепен, а люди с насмешкой глядели на Пиноккио, уж больно велики были штаны этому мальчику. Но молодой человек не обращал внимания на насмешки. Он остановил первого встречного мужчину и спросил:

– А не может ли мне досточтимый синьор сказать, где находится школа?

– Вот я сейчас дам тебе в морду, – пообещал мужчина, – чтобы под ногами не путался.

И Пиноккио двинулся дальше.

Вторым человеком, к которому обратился деревянный парень, был человек в мундире, в смешной шапке и с увесистой палкой в руке. Он имел очень важный вид и Пиноккио решил, что уж он-то наверняка знает, где находится школа. Подойдя к нему, наш герой начал:

– А не скажет ли мне...

– Фамилия, подлец, – рявкнул человек с палкой, да так, что у парня в ушах зазвенело и по спине пробежал озноб.

– Я? Моя? Моя фамилия...

– Почему в таких штанах, негодяй?

– Но без штанов я бы вам еще больше не понравился, – логично заметил мальчик.

– Умничаешь, да? Дубинки захотел? – увесистая палка приблизилась к носу мальчика.

От неё веяло угрозой.

– Нет, дубинки не захотел.

– А почему такой нос неподобающий?

– Нос? – удивился мальчик. – Не знаю. Какой есть.

– Не знаешь, подлец? Но ничего, ты у меня узнаешь. А ну марш за мной в околоток, пусть твоим носом околоточный занимается, а я не физиономист какой-нибудь.

– Синьор, но мне надо в школу.

– А, ты еще и в школе учишься? Образованный, значит, – с этими словами человек в мундире врезал Пиноккио по спине дубинкой и, ухмыльнувшись, спросил: – Что, больно?

– Больно, – поморщился мальчик, – но за что?

– Не люблю образованных и прочих подлецов. А то ишь повыучиваются, понимают себе этих мерзавцев-адвокатов, что даже и дубинкой им не врежь.

– А вам очень нравится бить людей дубинкой?

– А как же, я свою работу люблю, и для этого, то есть для битья, тут и поставлен, а ты мне зубы не заговаривай, я вас, носатых, знаю, марш вперед и ни слова больше.

Больше они и не разговаривали. И вскоре Пиноккио оказался, как вы уже догадались, в полицейском участке. Там ему не очень понравилось, было грязновато, окошко давало мало света, а в клетке на полу валялся человек и пел песню, другой не валялся, сидел на узкой скамеечке в драном пиджаке и с подбитым глазом. Пиноккио был перепровождён в отдельный кабинет, где за большим столом сидел мрачный человек с усами и залысинами.

– Вот, господин околоточный, привёл, – отрапортовал полицейский, отдавая честь лысому с усами.

– В чём вина? – резко спросил околоточный.

– Лицо неизвестной национальности и невообразимо носат, как видите.

– Вижу. Нос, так сказать, налицо, – произнёс лысый тоном, не обещающим ничего хорошего для Пиноккио, – ладно, идите, Маркони, а я выведу этого негодяя на чистую воду.

Человек с дубинкой ушёл, а усатый на минуту склонился над бумагами.

«С гитарою и шпагою я здесь под окном стою», – доносилась из-за двери песня, которую пел лежащий на полу.

«Какой весёлый человек», – подумал Пиноккио.

– Так-с, – произнёс околоточный, откладывая бумаги в сторону и вставая из-за стола, – и что мне с тобой делать?

– Не знаю, – признался мальчик. Он и вправду не знал, что этому усатому синьору с ним делать.

– Ладно, а какова твоя национальность?

– Не знаю, сударь.

– А вероисповедание, подлец?

– Не знаю, синьор околоточный.

– Понятно, – констатировал начальник, – нигилист и бродяга. Ни флага, так сказать, ни родины. А ну-ка быстро отвечать, без запинки. Гранатами и мандаринами на рынке торгуешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.